

Оксана СТОРЧАЙ

ПАВЛО ПЕТРОВИЧ ЧИСТЯКОВ І ЙОГО ОТОЧЕННЯ

Спогади Наталії Петрової-Старк 1974 року

На сучасному етапі розвитку вищої художньої освіти в Західній і Східній Європі небагато академій мистецтв дають ґрунтовний саме традиційний академічний вишкол, чим саме відрізняються вітчизняні, зокрема Національна академія образотворчого мистецтва і архітектури. У програмах, методиках викладання використовуються найкращі здобутки мистецької академічної освіти багатьох поколінь і часів. Безумовно, славнозвісна власна система викладання малюнка талановитого педагога, рисувальника, живописця, майстра історичного, портретного і побутового жанру Павла Петровича Чистякова (1832–1919) актуальна дотепер. Один із улюблених учнів Чистякова І. Селезньов, сам талановитий викладач, мав педагогічну практику в Київському художньому училищі, Київському політехнічному інституті, власній студії та ін. [8, с. 194–207], писав у своїх спогадах: «Постоянно [Чистяков] указывал на развитие техники. «Техника — это язык художника; развивайте её неустанно, до виртуозности. Без неё вы никогда не сумеете рассказать людям свои мечтания, свои переживания, увиденную вами красоту» [9, с. 482]. А маючи хорошу техніку, в подальшому буде легше займатися образотворчістю, експериментувати з формою, кольором тощо, у виробленні своєї індивідуальної манери, своєї естетики, пошуках істини (яскравий приклад — творчість Пікассо). Чистяков зазначав про це так: «Вначале ученик всякий должен узнавать законы и научиться правильно, в порядке передавать их законно, по порядку, просто. После пусть летает, как ему сродно, после пусть изловчает по своему складу» [9, с. 425].

Розглядати власну систему викладання Чистякова немає потреби, оскільки цьому питанню і самій особистості художника присвячено чимало ґрунтовних праць, зазначимо найвідоміші — І. Гінзбург «П. П. Чистяков и его педагогическая система» [3], Е. Белютін і Н. Молева «П. П. Чистяков — теоретик и педагог» [1] та «Павел Петрович Чистяков. 1832–1919» [2], О. Лясковська «П. П. Чистяков» [4], «Чистяков П. П. Письма, записные книжки, воспомина-

ния. 1832–1919» [9]; О. Чурилова «Я ещё могу съездить к Чистякову (П. П. Чистяков в Царском селе)» [10] та інші.

Варто звернути увагу на той факт, що новації в системі навчання рисунку Чистякова багато в чому співпадають з методиками тодішніх знаменитих паризьких і мюнхенських художніх шкіл, особливо зі школами А. Ажбе (Ашбе; 1862–1905) і Ш. Холлоші (1857–1918) про що він писав: «Я вопрос этот решал просто, по-своему. Я не справлялся с Парижем, Мюнхеном, я писал свое; после оказалось, что многими сторонами я совпадал с иностр[анными]» [9, с. 366]. Це свідчить про єдиний і одночасний розвиток прогресивних тенденцій в методиках викладання малюнка і живопису в тодішній мистецькій освіті; але є цікавий нюанс — на Заході ці новації розвивалися лише в приватних художніх студіях, школах (тогочасні академії мистецтв потребували реформування, в тому числі С.-Петербурзька), а Чистяков спромігся створити свою школу і розробити систему викладання у виші — С.-Петербурзькій Академії художеств.

Він мав велику кількість учнів, для багатьох з них він залишався викладачем і товаришем на протязі всього свого життя, як наприклад з І. Репіним. Серед його учнів відомі російські й українські художники, зокрема В. Борисов-Мусатов, В. Васнецов, М. Врубель, І. Грабарь, М. Нестеров, А. Остроумова-Лебедева, В. Поленов, В. Серов та ін. серед українських митців: І. Дряпаченко [7, с. 142–153], К. Костанді, М. Самокиш, І. Селезньов, О. Сластіон, О. Стіліануді та ін. «Среди многочисленных преподавателей Академии не было, кроме Чистякова, ни одного, о котором Репин был высокого мнения как о художнике или педагоге. Но зато из-за одного Чистякова стоило ехать в Петербург, и давая Серову письмо к нему, Репин несколько раз повторял: “Это наш общий и единственный учитель” <...> Он рекомендовал слепо слушаться этого человека, исполняя все его советы и «правила», какими бы нелепыми они ему иной раз ни казались» — писав І. Грабар про великий талант педагога Чистякова [9, с. 433].

Сорок років Чистяков викладав у С.-Петербурзькій Академії мистецтв, спочатку працюючи ад'юнкт-професором гіпсоголовного класу, далі керівником Мозаїчного відділення і професором репінської майстерні. Тільки людина, яка була віддана своїй праці та Академії може з такою любов'ю і захопленням писати: «Ведь Академией весь мир украшен — произведениями людей, которые воспитывают и развивают [общество]. Разумею Академию как собрание людей, служащих искусству. Посмотрите на храмы древнего мира, Европы и, наконец, наши — ведь все это люди Академии создали, недаром имена их записаны в историю и почитаются» [9, с. 471].

Творчу і викладацьку (в розумінні порад колишнім учням — художникам, оцінки їхніх творів тощо) діяльність майстер продовжує і після своєї відставки, коли він остаточно оселяється у своєму домі в Царському селі (зараз

Пушкіно), на базі якого 1987 року було створено Будинок-музей П. П. Чистякова. Спогади Наталії Вікторівни Петрової-Старк (1893–1986), що пропонуються для публікації стосуються великої родини Чистякова, за виключенням двох його учнів — І. Реліна і О. Форш, а місце дії відбувається переважно в його царкосельському будинку [6]. Як відомо, це пам'ятка дерев'яної архітектури другої половини XIX століття, побудована за проектом архітектора О. Х. Кольба за діяльною участю Чистякова та його дружини Віри Єгоровни (народженої Мейєр, 1848–1917) за рисунками яких було виконано декоративне різьблення.

Спогади зберігаються в Центральному державному архіві — музеї літератури і мистецтва України у фонді російського літературознавця, критика і філософа Олександра Петровича Могилянського (1909–2001) і представляють собою рукописний текст, розміщений у двох учнівських зошитах і машинописний. Саме машинописний текст пропонується для публікації зі збереженням авторської стилістики, орфографії і пунктуації з невеликими редакторськими правками.

До відома, в музейному фонді України, а саме в Одеському художньому музеї зберігається відомий живописний твір Чистякова «Бояришня. Аннушка» 1870-і (полотно, олія).

Наталія Вікторівна ПЕТРОВА-СТАРК

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ЧИСТЯКОВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Еще будучи совсем маленькой, я часто слышала фамилию Чистяковых. Мои родители и старшие сестры там бывали; наконец, и меня туда повезли; мне было около шести лет. Мы ехали с папой и мамой на извозчике через Неву, Чистяковы жили в Академии художеств, у них была казенная квартира, так как Павел Петрович заведовал мозаичным отделом. Меня поразили громадные комнаты с высокими потолками, я даже немного испугалась. Нас пригласили в столовую. Мне, прежде всего, бросилось в глаза большое кресло, в котором сидела очень старая важная старушка, очень изящно одетая. Народу было очень много, и все очень почтительно к ней обращались. Это была мать Веры Егоровны, жены Павла Петровича. Через Веру Егоровну мы и приходились родственниками Чистяковым, я была внучкой (троюродной или четверюродной) Веры Егоровны. Ее мать много разговаривала с присутствующими, но я запомнила только то, что она сказала: «Никогда я бы не подала Некрасову

руки, хотя не раз с ним встречалась...» Запомнила я еще, что она видела само-го Пушкина. Как-то я не могу вспомнить, видела ли я в тот приезд Павла Петровича. Меня окружили его домочадцы — сама Вера Егоровна, сестры Павла Петровича Аграфена Петровна (бабу Ду, как ее называли) и Юлия Петровна, воспитанница Чистяковых Оля Мейер и дочери Павла Петровича Анна [(1871–1930)] и Вера Павловны [(1874–1928)]. Они что-то мне подарили (Оля очень маленькие, настоящие лапти) и всячески старались меня развлечь. Больше ничего из того времени не помню.

Потом другой мой приезд в эту квартиру. Я кончала гимназию, и мама рассказала Чистяковым, что я, как и всегда кончающие в числе выбранных, участвовала в гимназическом вечере, в балетной мазурке, да еще в первой паре. Мне сшили шикарный польский костюм и вот, узнав об этом, Чистяковы решили сделать у себя костюмированный вечер. Зал большой, народу много и очень непринужденно и весело. Мои сестры были тоже в костюмах — Надя в украинском, очень хорошенькая, а Маня в русском голубом сарафане, она выглядела просто красавицей, и ее некоторая медлительность и скромность еще увеличивали впечатление. Вот тут я помню Павла Петровича. Он очень был доволен и весел, и всех нас разглядывал. Его сын Всеволод был одет цыганкой (он был невысокий и чудесно ее изображал, предлагая всем погадать). Потом решили меня потешить, музыка заиграла мазурку, ко мне подошел Ан. Ан. Мерц, муж их дочери, и мы с ним станцевали соло мазурку под бурные аплодисменты. Вот все, что я могу рассказать о моем втором пребывании в мозаичном отделе. Тут опять перерыв. За это время, вероятно, Павел Петрович вышел в отставку, и Чистяковы переехали в Детское Село (Пушкин теперь), в свой дом. Дом был не слишком большой, но двухэтажный, снаружи он ничем особенно не отличался, но внутри он был очень интересно отделан. Внизу были три очень большие комнаты, кухня, передняя, сени и две лестницы, одна витая, которая вела в жилые комнаты небольшие, и в ванную, а другая лестница — широкая и удобная, вела в очень большую мастерскую и в довольно большую комнату, где жила Оля Мейер (Ольга Эммануиловна). Другие комнаты были спальня П. П. и В. Е. и комната Веры Павловны, другая сестра Анна Павловна была замужем за Анатолием Анат. Мерц и жили они отдельно, но довольно близко, а сыну с женой и двумя мальчиками построили домик в том же саду, совсем небольшой, и семья сына все время бывала в «большом доме», как его называли. Все комнаты внизу были без обоев они были отделаны деревом, выкрашенным — столовая под дуб, две другие: гостиная и так называемая угловая — под темно-коричневое дерево. Никаких ковров, даже помнится, и занавесок не было, или они были так просты и обыкновенны, что не бросались в глаза. Меблировка тоже простая, но по стенам картины, главным образом, работы самого П. П.

В. Е. Савинский (1859—1937). Портрет П. П. Чистякова, 1881

Особенно был хорош портрет матери П. П. Это очень большое полотно, бабушка сидит в большом кресле в кружевном чепце, со сложенными ручками, с кружевными внизу рукавами, но особенно хорошо ее лицо, так привлекала ласковость и приветливость в нем — это так хорошо было выражено ее сыном. В этой комнате стоял диван, на котором я ночевала, приезжая в субботу и оставаясь до утра понедельника. Просыпаясь, я видела перед собой бабушку, и все передо мной освещалось радостью.

Потолки тоже были особенные. В большой гостиной был вделан плафон, работы учеников Павла Петровича, не помню точно, но кажется и в угловой, где я спала, был тоже плафон. А вот столовая была очень простая, но стильная, вся под дуб.

Чистяковы очень любили, чтобы к ним приходили и приезжали гости. У них постоянно, кроме своих, бывала писательница Ольга Дмитриевна Форш со своей дочкой Тамарой и сыном Димой — они оба в дальнейшем стали научными работниками, кажется, химиками. Из города часто приезжали ученики Академии [удожеств, ученики Павла Петровича, Репина и В. Е.] Савинского. И Репина, и Савинского я хорошо помню. Помню и дочь Репина Веру, кажется, опереточную артистку. Очень кокетливая, живая, но как-то не очень сим-

патичная. Она иногда пела дуэты с сыном Павла Петровича Всеволодом, у которого был прекрасный лирический тенор. У Савинского была дочь Катя, очень приятная, которая в дальнейшем сошла с ума.

Я особенно помню столовую. Там все собирались. На председательском месте всегда сидел Павел Петрович. Помню его фигуру — старичок небольшого роста в длинном, тяжелом халате серого цвета, в серой ермолке. Он много беседовал со своими учениками, давал много просто всяческих советов, иногда критиковал кое-какие картины, — вообще чувствовался педагог, который охотно делился своими знаниями.

Когда приезжал Репин, внимание Павла Петровича, да и всех устремлялось на него. Должна сознаться, что мне не очень нравилась какая-то, по моему, ложная скромность его. Может быть, тут играло роль то, что Илья Ефимович был учеником Павла Петровича и в силу установившейся привычки такая его манера проявлялась только у Чистяковых? Но мне приходилось читать письма Репина, и там тоже какая-то излишняя не то тонкость, не то какое-то самоуничижение, и мне это было неприятно. Неблагоприятное впечатление, может быть, усиливалось и тем, что в то же время и дочь его, вот она мне определенно не нравилась, — какая-то наигранная несерьезность, резвость не по возрасту, да и голос ее (она пела иногда дуэты с Всеволодом Павловичем) не представлял ничего интересного. Я могла судить о Репиных только по внешнему впечатлению, так как по существу не знала картин Ильи Ефимовича. Конечно, я знала «Запорожцев», понимала, значение огромное этой картины, но и до сих пор я не очень восхищалась, вернее, на меня не оказывают особенно большого впечатления картины исторического содержания. Знала я его картину «Грозный и его сын Иван», конечно, она на меня производила тягостное впечатление: и сам царь, его лицо и поза, несчастный сын и кровь, — все это я очень остро чувствовала и... вместе с тем, хотела скорей забыть, я невольно закрывала глаза, по молодости лет не хотела видеть, знать все это. Конечно, это не слишком хорошо меня характеризует, но вот я была такая. В дальнейшем в моей жизни я многое увидела по-другому, многое поняла, но вот эти почти детские впечатления и встречи остались во мне на всю жизнь. Другое дело — портреты Репина, они на меня производили глубокое впечатление. Например, портрет [А. Ф.] Писемского, да и портрет [М. П.] Мусоргского, он тоже заставляет о многом думать, но мне и теперь даже трудно понять, зачем он взялся писать композитора совсем больным, даже намеренно подчеркнул это. Как-то хотелось, чтобы он был запечатлен для людей не больным, а мощным, самобытным русским композитором.

Возвращаюсь к описанию сидящих за столом у Павла Петровича. Много было за столом и разговоров с Ольгой Дмитриевной Форш. Она тогда была еще

не старая и не такая заслуженная писательница, как мы знаем ее теперь. Особенно много с ней разговаривал Всеволод Павлович. Ольга Дмитриевна поражала своей живостью, яркостью речи, остроумием. С ней в дальнейшем я много встречалась у Владимира Леонтьевича Комарова, ее двоюродного брата и моего зятя, но это было много позже, и я напишу об этом потом.

Итак, на одном конце стола очень интересные разговоры, к которым, к моему глубокому сожалению, я даже почти не могла прислушаться, так как мы, молодые, обыкновенно сидели на другом конце стола и подчас почти не прислушивались к разговорам старших, да еще таких знаменитых. Так, однажды мой сосед по столу Игорь Дурдин, внук Павла Петровича, подает мне очень хорошенькую коробочку и предлагает открыть ее. Я бездумно открываю, и оттуда пополз по скатерти черный таракан. Я завизжала и вскочила, начался большой переполох, но Игорю мало попало, а я очень смутилась; он ведь знал, что я боюсь этих тараканов. Вот такая смесь, — интересные разговоры и, наряду с этим, такие дурашливые забавы. Вечерами молодежь почти всегда танцевала; я должна была просить Всеволода Павловича, «дядю Вову» поиграть нам что-нибудь на рояле, а он прекрасно импровизировал, особенно вальсы, и мы могли без конца танцевать. Были и такие развлечения: помню, что на рояле или около него стояла небольшая круглая корзиночка, наполненная свернутыми бумажками. Мы вытаскивали наугад бумажки, гадали и читали то, что нам выходило: отрывки из стихотворений, изречения, пословицы, поговорки, — нас все это очень занимало.

Но было и другое препровождение времени. И сын, и дочь Павла Петровича Аня хорошо пели. Они пели дуэты из опер, а Всеволод Павлович пел часто и один. Он пел и теноровые партии опер, и много романсов Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова. Некоторые из них мне запомнились на всю жизнь.

Я еще ничего не сказала о Вере Павловне. Она была совсем больная, редко даже могла ходить, что-то с ногами на нервной почве, но это была удивительно светлая личность. Она была умна, чутка, интересовалась всем, что было ей доступно при ее болезни, много читала, знала музыку, и когда ей уж очень горько было, она сползала вниз со второго этажа к роялю и тихонько импровизировала, очень тонко, музыкально и хорошо. Мы, молодые, ее очень любили и часто поднимались к ней в ее светелку. Она нам показывала свои рисунки. Она была настоящая художница (она писала мой портрет маслом, но он пропал во время мировой войны), показывала свое вышивание, а иногда и просто гадала нам на картах, и это тоже было очень интересно.

Были у Чистяковых сестры Павла Петровича. Одна — Аграфена Петровна, «баба Ду», как ее там называли все, маленького роста, кругленькая, в широкой юбке, в темном платочке, завязанным по-бабьи. Она вечно в хлопотах по хозяйству, ведь народу, хоть и неприятного, всегда было много, а тут

еще всегда в доме две, три собаки, которые тоже надо накормить.

«Юлья, Юлья, куда ты запропастилась, все пропадает», — говорила баба Ду про свою сестру Юлию Петровну, ища ее. Та была совсем другая. Одетая погородскому, также небольшая ростом, вечно какие-то бантики, цепочки, брошки, вкуса, надо сознаться, никакого. Она любила сидеть с гостями, слушать музыку, чтение. «Вова, спой “В сиянии ночи томной”», — она перефразировала первые слова арии Надира [Арія Надіра починається так: «В сияньє ночи лунной ее я увидал...»] з опери «Шукачі перлів» Жоржа Бізе]. Эта ария была ее любимой. Вообще, она знала весь репертуар Всеволода Павловича.

Позднее я видела снимок со скульптуры двух старух, не знаю, чья эта работа, но старухи эти мне живо напомнили бабу Ду и Юлью.

Вот главные персонажи, которые бросались в глаза. Над всеми ими стоит фигура Павла Петровича в своем длинном сером халате, в тюбетейке, всегда довольный, приветливый, какой-то благостный. На руке, кажется правой, сильно искривленный указательный палец, который как-то помогал ему разговаривать с посетителями. Его говор был сильно на «о», как и у его сестер. Хорошо помню его сидящим в гостиной в углу на диване около печки и с удовольствием смотрящим на нас, молодежь. Мой папа часто сидел близко около него, и вот Павел Петрович ему говорит: «Вот дочка-то какая у Вас и играет очень хорошо на рояле, и танцует, и косы большие, и глаза» и что-то еще одобрительное о моем внешнем виде... Он ко всем хорошо относился.

Когда мы сняли дачу в Детском Селе, то дочери Павла Петровича, да и он сам, решили писать мой портрет маслом. Павел Петрович руководил всеми. За это дело взялась и племянница Павла Петровича Варенька Баруздина, Варвара Матвеевна [(1862–1941/42)], настоящая художница, небольшие миниатюры которой есть в Третьяковской галерее и, кажется, в нашей Академии Художеств. Помню хорошо Варвару Матвеевну; маленькая горбатенькая, цвет волос бесцветный, очень скромная, незаметная, но лицо поражало серьезностью выражения и какой-то внутренней ласковостью. Она всегда была как-то незаметна, скромна, но все-таки чувствовалось, что за всем этим скрывается незаурядная личность. Мне говорили, что она серьезно интересуется теософией, но с нами, молодыми, она мала соприкасалась, только как-то невольно мы относились к ней с большим уважением. Печален был ее конец. Я много лет спустя побывала в доме Чистякова, застала в живых только Олю Мейер, воспитанницу Чистяковых. Она мне рассказала, как постепенно у нее на глазах умирали все члены семьи от голода ([19]18-й, [19]19-й годы), остались только Оля, да Варенька, но и та не пережила всех невзгод, и когда она умерла, Оля не имела сил похоронить ее по-настоящему и положила ее в канавку в их саду и как могла укрыла ее землей и снегом...

Я отвлеклась в своих горьких воспоминаниях от темы. Итак, решили писать меня маслом. Писали меня и дочери Павла Петровича Анна и Вера Павловны; кроме того, меня рисовал их знакомый, довольно талантливый юноша Дося — он то рисовал меня, то играл в соседней комнате на рояле ма-зурки Шопена, — это придумали художницы, чтобы вызвать у меня на лице нужное им выражение. Сеансы продолжались долго, я уставала сидеть в одной позе; тогда делали перерыв, шли все пить чай, и вот тут Павел Петрович всех насмешил невольно. Стали говорить, что трудно подобрать краску для тона моей кожи. Тогда Павел Петрович говорит Вере, которая особенно мучилась этим: «Да мажь ее охрой, а там потом найдешь, что надо». И еще в другой раз, я сидела под углом недалеко от Павла Петровича, и он вдруг говорит дочери «Посмотри, Аня, ухо просто мрамор». Тут уже все не могли удержаться и засмеялись, а муж Анны Павловны говорит: «Аня, вот здорово, мраморные уши», да и сам Павел Петрович сидел, улыбаясь.

Наконец, скажу несколько слов о моей родственнице, милой Вере Егоровне, спутнице жизни Павла Петровича. Она всегда как-то ступшевывалась за всеми, а ведь это ее заботой все было так тепло и хорошо организовать, чтобы все были сыты, правда, не бог весть чем, но все-таки супы, пироги, жаркое, а вот накормите такую ораву, которая садилась за стол.

Когда стало голодно, все-таки все ехали к Чистяковым и, помню, вместо печенья к столу подавали подсушенные картофельные очистки, и все казалось вкусно и хорошо.

Бывала я иногда в мастерской Павла Петровича. Там было очень много этюдов, но много и неоконченных картин. Его близкие жаловались на то, что Павел Петрович иногда совсем закончив свою очень хорошую работу, вдруг начинал стирать почти готовую вещь, его что-то в ней не удовлетворяло, и вот все начиналось сначала. Так, в мастерской было очень много полотен, особенно этюдов прекрасных, и все-таки очень мало вполне законченных.

Правда, я бывала у Чистяковых, когда Павел Петрович был уже совсем старенький и слабый, и я могу рассказать по существу не очень многое. В этот период он, видимо, мог только полностью передать все своим ученикам.

Когда настал голод, Павел Петрович стал катастрофически слабеть, и тогда его родные решили продать портрет его матери. Они говорили: «Вот бабушка кормит его». Я узнала это позднее и ужасно горевала, портрет ушел за границу и не знаю куда... Должна сказать, что ничто не помогло, и вся большая семья, так любимая мною, вымерла, и осталась только Оля Мейер.

Теперь хочу рассказать о моих личных воспоминаниях, очень дорогих мне, связанных с домом Чистяковых, с сыном Павла Петровича Всеволодом Павловичем. В те времена я очень много и успешно играла на рояле. Всеволод

Павлович очень хорошо пел, и вот все это нас очень сблизило. Один его совет я очень хорошо запомнила: при выступлениях, особенно, когда очень волнуешься, нужно, выходя на эстраду, смотреть не на публику, а выше голов сидящих. Он своим пением очень развил во мне вкус, тонкость исполнения, музыкальность. Он словами не говорил обо всем этом, но, слушая его очень внимательно, я невольно проникалась его отношением к музыке. Он хотел, чтобы я ему аккомпанировала, но Оля Мейер, которая с давних времен это делала, очень огорчилась и много плакала, — никому не хотелось ее огорчать, и мне это дело не пришлось осуществить, тем более, что мне очень нравилось, как она аккомпанировала, и я не была уверена, что сумею это сделать так же хорошо как она.

Хочу сделать маленькое отступление. Впоследствии я узнала, что Оля очень серьезно любила Всеволода Павловича, видимо, это замечали и знали только самые близкие, а для Оли, вероятно, эта возможность быть и работать с Всеволодом Павловичем очень много давала. Я же была еще по существу совсем девочкой, и ни о чем не подозревала. Я очень хорошо относилась к Оле, она была старше меня, была со мной всегда ласкова, и я себя с ней очень хорошо чувствовала, а иногда мы с ней играли в четыре руки.

Впоследствии, когда все почти Чистяковы уже умерли и остались только больной Всеволод Павлович и Оля, Всеволод Павлович женился на ней, но это было совсем незадолго до его смерти. Выжила одна Оля, и много позднее она даже была у меня, видела моего мужа и сыновей, но потом она уже не приходила ко мне, не знаю, жива ли она теперь.

Но возвращаюсь к давно прошедшему милому прошлому моей молодости.

Должна сознаться, что до меня дошли слухи, что я просто как молоденькая девочка ему очень нравилась, он говорил: «Наташа — это просто прелесть». Я чувствовала это его отношение и, конечно, мне было очень приятно.

Как-то, когда понаехало много гостей, и всех надо было уложить на ночь, Вера Егоровна решила, что меня, как свою родственницу, можно устроить в маленьком доме у Вовы. Его жена, Анна Павловна, с которой я дружила, и он совсем захлопотались для меня, Всеволод Павлович хлопотал как-то особенно завесить окно, чтобы мне не дуло, подставлял для чего-то стулья, чтобы не падало вниз одеяло, а я, дрянная, принимала все это как должное, но, конечно, было очень, очень приятно и мне и ему, как кажется. Вообще я к ним часто забегала, и как-то сидя за столом все трогала машинально штепсель. Наконец Всеволод Павлович не выдержал и говорит: «Оставьте, Наташа, у вас такие пальчики, вдруг засунете, сделается короткое замыкание»; все это чувствовалось, как его милое внимание...

Меня особенно привлекало пение Всеволода Павловича. Я очень любила, как он пел романсы Чайковского, столько выразительности, нежности, интим-

ности, особенно «Страшная минута». В это время он всегда смотрел на меня: «Ты внимаешь, вниз склонив головку... ты не знаешь, как мгновенья эти страшны для меня и полны значенья». Я очень боялась, что окружающие увидят и все очарование разрушат. Сам Всеволод Павлович мне очень нравился; небольшого роста, но очень пропорциональный, руки тонкие, небольшие и подкупающая манера держаться, особенно со мной.

Как-то для меня само собой случилось, что, приезжая на вокзал, чтобы ехать в субботу в Детское Село (Пушкин) к Чистяковым, мне при входе всегда встречал «дядя Вова», как я его называла (он и правда приходился мне каким-то дальним дядей), и мы шли на перрон, садились в поезд, где-нибудь в уголке, о чем то хорошем разговаривали, как-то он пытался взять меня за руку, я все трогала кнопку у перчатки, и это его раздражало, но я смутилась, тем более, что наши сосед-визави очень строго посмотрел на нас... Приехав в «Детское», мы шли к дому сестры Вл. П. — Анны Павловны Мерц, где всегда по субботам собирались и родня, и все близкие ей. Дорогой он мне показывал места в городе, которые ему нравились. Как-то ранней весной он повел меня показать пять березок, которые стояли рядком и на фоне неба были особенно хороши со своей прозрачной еще нераспустившейся листвой. Воздух тоже прозрачный с весенними ароматами и рядом такой привлекательный и добрый и желанный друг! Я была очень невинна и наивна, я ни о чем не думала, не мечтала, мне просто было хорошо. Он иногда делал попытки взять меня за руки, но и это меня смущало и приводило в трепет. Эти березки сыграли для меня печальную роль. (Где они были и существуют ли теперь, не знаю.)

Когда мы пришли к старшей сестре Вс. П к А. П. Мерц, она стала расспрашивать нас, почему мы так запоздали, я по наивности и даже по глупости рассказала, какие чудные березки. А. П. очень удивилась, как мы там очутились, что это совсем не по пути и даже далеко. «Вот почему Вы опаздываете всякий раз». Она на меня рассердилась, а не на брата, она не думала, что я еще совсем девочка, видимо приняла за кокетку. С тех пор все как-то изменилось и все старались нас отдалить друг от друга. Все-таки все это продолжалось, и жена Всеволода Павловича, с которой я дружила, не очень сердилась, вероятно понимая, что я еще очень наивная девочка, и зная своего мужа, который не поставил бы ни ее, ни меня в трудное положение. Только раз, помню, она рассердилась. Мы ехали с ней на музыку в Павловск, Всеволод Павлович подоспел с работы и разыскал нас в поезде. Когда он пришел, сел против меня, мы с ним никак не смогли скрыть улыбки удовольствия, смотря друг на друга. Анна Павловна посмотрела на нас и говорит: «Ну что за idiotские улыбки, перестаньте». В самом деле, должно быть это очень глупо выглядело. Вот, пожалуй, почти все, что могу вспомнить теперь. Когда же я вспоминаю все это,

так было хорошо, так радостно и невинно; за всю свою долгую жизнь я помню эти весенние радости.

Мы должны были на лето опять нанять помещение в «Детском», но, видимо, маме что-то сказали, и родители наняли дачу в Вартимягах. Это за Парголовым. Я сначала очень скучала, даже плакала, но потом как-то утешилась. Вот так все и кончилось.

Уже много позднее, кажется, после мировой войны, во время тяжелых условий жизни я все-таки побывала у Чистяковых, и мы опять ехали с Всеволодом Павловичем в поезде, только утром — было очень тесно, и мы сидели рядом, совсем близко, но глаза у нас были серьезные и печальные. Всеволод Павлович в городе посадил меня на трамвай, говоря «Прощайте, Наташа» таким голосом, что какая-то женщина подхватила: «Вот и здесь Наташа» — больше мы не виделись... Какой он был нежный, чуткий и хорошо ласковый и, вместе с тем, простой и легкий, и какой талантливый, может быть, слишком нервный. Когда я его спросила, почему он не сделался профессиональным певцом, ведь это было вполне ему доступно, он сказал, что в доме слишком много разного рода искусства, слишком много об этом разговоров, что так всегда жить очень трудно. Мне думается, что его, можно так сказать, мучило такое постоянное напряжение. Его отец был проще, целеустремленнее, спокойнее.

Хочу еще раз сказать, что для меня это почти постоянное пребывание в семье Чистяковых имело большое значение в смысле формирования моих эстетических вкусов и всего склада характера. Это было самое лучшее, самое светлое время моей жизни.

Апрель, май, июнь 1974 г.

1. Белютин Э., Молева Н. П. П. Чистяков — теоретик и педагог / Э. М. Белютин, Н. М. Молева. — М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1953. — 265 с.

2. Белютин Э., Молева Н. Павел Петрович Чистяков : 1832–1919 / Э. М. Белютин, Н. М. Молева. — М.: Искусство, 1954. — 60 с., 6 л. ил.

3. Гинзбург И. В. П. П. Чистяков и его педагогическая система / И. В. Гинзбург. — Л.; М.: Искусство, 1940. — 202 с.

4. Ляковская О. А. П. П. Чистяков / О. А. Ляковская. — М.: Изд-во ГТГ, 1950. — 64 с.

5. Молева Н. М. Выдающиеся русские художники–педагоги : кн. для учителя / Н. М. Молева. — 2-е изд., доп. — М.: Просвещение, 1991. — 413 с.

6. Петрова-Старк Н. В. «Павел Петрович Чистяков и его окружение». Спогади. рук., маш., квітень–травень 1974, 51 арк. — Центральный державный архив-музей литературы и искусства Украины, ф. 195 (Могилянский Александр Петрович, российский литературознавец, литературный критик и философ), оп. 1, спр. 498, арк. 35–51.

7. Сторчай О. Листи Івана Дряпаценка до свого вчителя Павла Чистякова / Оксана Сторчай

// Перші наукові читання, присвячені пам'яті професора Олександра Івановича Мінжуліна : Зб. матеріалів Міжнар. наук.-практ. конф., Київ, 4 вер. 2014 р. — К. : НАКККІМ, 2014. — С. 142–153.

8. *Сторчай О.* Педагогічна діяльність Івана Федоровича Селезньова / Оксана Сторчай // Студії мистецтвознавчі. — К. : ІМФЕ, 2012. — № 4. — С. 194–207.

9. *Чистяков П. П.* Письма, записные книжки, воспоминания. 1832–1919 / П. П. Чистяков. — М. : Искусство, 1953. — 592 с.

10. *Чурилова Е. Б.* Я ещё могу съездить к Чистякову (П. П. Чистяков в Царском селе) / Е. Б. Чурилова. — СПб. : Прана, 2004. — 136 с., 40 ил.

Оксана СТОРЧАЙ. Павло Петрович Чистяков і його оточення: спогади Наталії Петрової-Старк 1974 року

Стаття присвячена публікації спогадів Н. Петрової-Старк (1893–1986) «Павел Петрович Чистяков и его окружение» зі вступом і коментарем. У них розповідається про велику родину талановитого педагога, рисувальника, живописця, майстра історичного, портретного і побутового жанру Павла Петровича Чистякова (1832–1919), згадуються також два його учня — І. Рєпін і О. Форш, а місце дії відбувається переважно в його царкосельському будинку. Спогади зберігаються в Центральному державному архіві — музеї літератури і мистецтва України у фонді російського літературознавця, критика і філософа Олександра Петровича Могилянського (1909–2001) і представляють собою рукописний текст розміщений в двох учнівських зошитах і машинописний. Саме машинописний текст пропонується для публікації із збереженням авторської стилістики, орфографії і пунктуації з невеликими редакторськими правками.

Ключові слова: історія мирового мистецтва, спогади, Н. Петрова-Старк, родина П. Чистякова.

Оксана СТОРЧАЙ. Павел Петрович Чистяков и его окружение: воспоминания Наталии Петровой-Старк 1974 года

Статья посвящена публикации воспоминаний Н. Петровой-Старк (1893–1986) «Павел Петрович Чистяков и его окружение» со вступлением и комментарием. В них рассказывается о большом семействе талантливого педагога, рисовальщика, живописца, мастера исторического, портретного и бытового жанра Павла Петровича Чистякова (1832–1919), упоминаются также два его ученика — И. Репин и О. Форш, а место действия происходит в основном в его царкосельском доме. Воспоминания хранятся в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины в фонде русского литературоведа, критика и философа Александра Петровича Могилянского (1909–2001) и представляют собой рукописный текст, размещенный в двух ученических тетрадях и машинописный. Именно машинописный текст предлагается для публикации с сохранением авторской стилистики, орфографии и пунктуации с небольшими редакторскими правками.

Ключевые слова: история мирового искусства, воспоминания, Н. Петрова-Старк, семейство П. Чистякова.

Оксана STORCHAI, PhD. Pavel Chistyakov and His Circle: Memories of Nataly Petrova-Stark 1974

The article is devoted to the publication of memoirs of N. Petrova-Stark (1893–1986) Pavel Petrovich Chistyakov and His Circle with introduction and commentary. They are about the great family of the talented teacher, draftsman, painter, master of historical portrait, portrait and genre painting Pavel Petrovich Chistyakov (1832–1919), two of his students — I. Repin and O. Forsch are also mentioned and the scene mainly takes place in his house in Tsarkoe Selo. The memories are stored in the Central State Archive, Museum of Literature and Art of Ukraine and in the holdings of Russian theorist of literature, art critic, and philosopher Alexander Petrovich Mohylianskiy (1909–2001) and present a text in handwriting and a typewritten text placed in two student notebooks. It is the typewritten text in particular that is proposed for publication; it preserves the author's style, spelling and punctuation and has small editor's corrections.

Keywords: Memories, N. Petrova-Stark, family of P. Chistyakov.